

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ И МЕХАНИЗМАХ НОМИНАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В РАМКАХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

В.Н. Шашкова

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, г. Орёл, Россия

В статье рассмотрены номинативные единицы, входящие в лексико-семантическую группу «Преступления» в русском и английском языках. Имена преступлений рассмотрены с точки зрения средств и механизмов номинации. Основными методами исследования являются семантический и структурный анализ лексических единиц, а также сопоставительный анализ терминологических эквивалентов в русском и английском языках. Установлено, что для нормативных документов, таких как Уголовный кодекс, характерна комплексная номинация имен преступлений. В качестве основной и наиболее частотной модели композиции сложных номинативных единиц в русском языке выявлена структурная схема (Adj +) N + (pr +) (Adj) + N. Применительно к английскому языку более частотной оказывается модель N + pr + N, которая, как и в русском, допускает распространение, при этом типовые случаи такого комплексного строения номинанта типично включают неличные формы глагола. Среди механизмов номинации, выявленных на материале единиц лексико-семантических групп в обоих языках, отмечены уточнение сигнификативного значения посредством введения дополнительной лексической единицы, метонимия, аналогия, расширение значения, спецификация и конверсия. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего развития теоретических и эмпирических исследований в русле теории номинации и референции.

Ключевые слова: номинация, номинативные единицы, лексико-семантическая группа, ономаσιологический подход, комплексное лексическое наименование, механизмы номинации, транспозиция значения.

Актуальность проведенного исследования обусловлена неоднозначностью и разнородностью имеющихся признаков категоризации лексем, объединенных семой преступного деяния [1, 2], а также важностью для теоретической и прикладной лингвистики анализа семантики и выявления дифференциальных признаков составных номинативных единиц в рамках исследуемых лексико-семантических групп в русском и английском языках.

Исследование проходило в несколько этапов. На первом этапе мы определили терминологический аппарат и подходы к исследованию лексики, которые будут положены в основу нашей работы. Так, в частности, основным рабочим термином стала «лексико-семантическая группа» (далее – ЛСГ), так как мы имеем дело с лексическими единицами, называющими преступления, т. е. можно говорить о наличии гиперсемы, охватывающей все единицы в рамках ЛСГ в каждом из исследуемых языков, и так как речь идет об исследовании существительных и/или именных групп, главным словом в которых также выступает имя существительное.

Кроме того, мы определили основные подходы, на которые мы опираемся в исследовании: *функционально-ролевой подход* позволят нам рассмотреть преступление как наименование совершаемого преступником действия. *Ономаσιологический*

подход интересует нас с точки зрения средств и механизмов номинации [3]. Он тесно связан с семасиологическим подходом, в частности, в плане рассмотрения широты и узости значения аналогов имен правонарушений в русском и английском языках.

Следующим этапом работы стало рассмотрение классификации преступлений по разным критериям. Нами были выбраны три критерия:

- 1) виды преступлений по характеру и степени общественной опасности;
- 2) виды преступлений в зависимости от форм вины;
- 3) виды преступлений по объекту преступного посягательства.

В последнем случае мы обратились к Уголовному Кодексу Российской Федерации (далее – *УК РФ*) от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) [4], который стал основным нормативным документом, в соответствии с которым в английском языке выбирались эквиваленты.

После формирования словника мы обратились к исследованию составляющих его единиц для того, чтобы определить специфику номинации в референтной области «Преступления» в русском и английском языках.

Сопоставительный анализ средств и механиз-

Вопросы номинации

мов номинации преступлений в русском, английском и монгольском языках позволил нам сделать следующие выводы.

Удельный вес частотного для русского языка согласования в формальных именах преступлений значительно ниже управления, которое служит целям включения необходимых обстоятельств, характеристик или ограничений в комплексное лексическое наименование. Среди примеров согласования по модели **Adj + N** в УК РФ встречаются следующие номинативные единицы: *массовые беспорядки; государственная измена; террористический акт; коммерческий подкуп; незаконное предпринимательство; незаконное усыновление (удочерение); развратные действия*. В ряде случаев рассматриваемая модель проявляется в сочетании со случаями синтаксического управления: *незаконные задержания, заключение под стражу или содержание под стражей*, где *заключение под стражу* и *содержание под стражей* отражают схему **N + pr + N**, являясь при этом частями модели **Adj + N**, актуализируя вторичную предикацию.

Среди наиболее частотных моделей номинации в русском языке можно выделить следующие цепочки, формируемые за счет усложнения структуры и увеличения числа компонентов имен преступлений и именных групп с соответствующей семантикой:

N + N: *похищение человека; торговля людьми; неисполнение приказа; загрязнение вод; загрязнение атмосферы; порча земли; злоупотребление полномочиями; укрывательство преступлений*. Тип связи в таких словосочетаниях – управление с главным первым существительным, как правило, образованным от глагола, соответственно, форма второго существительного напрямую взаимосвязана с типом управления глагола, от которого образовано первое существительное. Немногочисленные примеры имен преступлений, попадающих в эту группу, демонстрируют тенденцию употребления двух падежей: родительного и реже – дательного (*торговля людьми; злоупотребление полномочиями*). Так как данная модель является одной из наиболее частотных, типовым случаем выступает ее расширение и усложнение семантического и синтаксического параметров номинации: *фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности (N + N & N + Adj + N) или насильственный захват власти или насильственное удержание власти*.

N + Adj + N: *загрязнение морской среды; действие террористической деятельности; использование рабского труда; заражение венерической болезнью*. В связи с последним примером отметим номинант «*заражение ВИЧ-инфекцией*». В этом случае в качестве определяющего компонента выступает аббревиатура, которая морфологически включена в состав определяемого слова, что выражается в дефисном написании. С точки зрения семантики аффиксид аббревиатурного

типа ВИЧ- в этом случае характеризует инфекцию, соответственно, с оговоркой может быть отнесен к определителям существительного, не являясь собственно прилагательным.

Усложнение данной структуры происходит за счет союзных операторов со значением конъюнкции и/или дизъюнкции: *контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий; контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов; планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны; создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ*.

Adj + N+ N: *незаконное изготовление оружия; самовольное оставление части или места службы (с учетом усложнения рассматриваемой структуры посредством еще одного именного комплекса (N + N), введенного разделительным союзом*.

N + pr + N: *доведение до самоубийства; оставление в опасности; неуважение к суду*. В этом случае имеет место предложное управление. При этом зависимые элементы не обнаруживают семантической общности, служа наименованием действия, ситуации, а также адресата.

N + N + pr + N + Attr: *сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни и здоровья людей*. Данная модель номинации представляет интерес с точки зрения ее состава. В формальном обозначении мы специально изменили наименование определителя на Attr, так как в этом случае в качестве определения выступает не прилагательное, а причастный оборот, инкорпорирующий серию словосочетаний. Для наименований преступлений в Уголовном Кодексе как особом нормативном документе такое многокомпонентное строение номинативных единиц не является исключением. Для того, чтобы максимально точно и оптимально объемно описать состав преступления, необходима вербализация всех значимых компонентов.

Adj + N+ pr (+ Adj) + N: *жестокое обращение с животными; неправомерный доступ к компьютерной информации*.

На базе перечисленных моделей также получают выражение комплексные номинанты, которые формируются за счет введения однородных членов в состав словосочетания, построенного по основной модели: **(Adj +) N + (pr +) (+Adj) + N**: *разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения*;

В английском языке, как и в русском, модель **Adj + N**, функционирующая как самодостаточная номинативная единица, не в составе более крупной единицы, не столь частотна: *illegal enterprise; illegal hunting; illegal adoption; commercial bribery; official forgery; high treason*.

Модель **N + N**, характерная для английского как аналитического языка, в номинативных единицах, относящихся к ЛСГ «Crime»,

представлена лишь единичным случаем: *mass riots*. Данная модель встречается в составе более крупных наименований как их часть, например, *water transportation, underground railroad, transport vehicles*, но не как имя преступления.

Особого внимания заслуживают три сложных производных слова, в основе номинации которых лежит та же модель, но реализуется она не в сегментированной единице, а в целой: *bribe-taking, bribe-giving, hostage-taking*.

Модель **N + pr + N** имеет относительно частотное проявление среди номинативных единиц исследуемой ЛСГ. И эта модель допускает усложнения за счет добавления определений, выраженных как прилагательными, так и существительными: *incitement to suicide; abuse of authority; neglect of duty; pollution of water; pollution of the atmosphere; deterioration of land; cruelty to animals; insult of a serviceman; act of terrorism; act of international terror; invasion of personal privacy; violation of labour protection rules; violation of copyright and neighbouring rights; willful destruction or damage of property; violent actions against a superior; illegal access to computer information*.

Отличительной чертой номинации преступлений в английском языке является употребление неличных глагольных форм: инфинитива и герундия. При этом в отношении употребления неличных форм глагола можно выделить несколько тенденций. Первая синтаксическая тенденция заключается в частотном употреблении ряда существительных, после которых в языковой системе заложена актуализация, например, инфинитива (**N + Inf**). К таковым относятся существительные *failure, compulsion, inducement* и *refusal*: *failure to execute an order; failure to discharge the duties of bringing up a minor; failure to render aid to a sick person; failure to report a crime; compulsion to remove human organs or tissues for transplantation; inducement to use narcotic drugs; refusal to submit information to an individual*.

Вторая синтаксическая тенденция затрагивает формулировку всей фразы: если в состав фразы входят в качестве однородных компонентов, связанных сочинительной связью, имена существительные, актуализации в рассматриваемой номинативной единице будет подлежать отглагольное существительное: *illegal making and distribution of pornographic materials or objects; stealing or exportation of narcotic drugs or psychotropic substances, as well as plants containing narcotics or psychotropic substances, or parts thereof containing narcotics or psychotropic substances; stealing or possession of firearms, its basic parts, ammunition, explosives and explosive devices; the making, custody, carriage or sale of counterfeit banknotes or securities*. В большинстве же случаев предпочтение отдается форме герундия, так как, обладая свойствами существительного, герундий сохраняет глагольную семантику. Для наименования преступного деяния

именно деятельностный компонент семантики выступает на первый план: *smuggling cash and bearer negotiable instruments; contributing to terrorist activity; inducing to prostitution; destroying or damaging stands; planning, preparing, unleashing or waging on aggressive war; contributing to terrorist activity; switching a child; evading payment of taxes and (or) fees collectible from organisations; smuggling cash and bearer negotiable instruments; smuggling alcohol and (or) tobacco; exceeding official power; setting up the activity of a terror organization and participation in this organization; knowingly making a false communication about an act of terrorism; destroying or damaging stands; putting out of commission transport vehicles or communications*.

Далее мы рассмотрели имеющиеся именные фразы и выявили механизмы номинации на основании анализа функциональной семантики тех языковых средств, которые формируют выделенные именные группы в рамках референтной зоны «Преступления» в анализируемых лексических системах.

В первую очередь мы выделили две большие группы механизмов: механизмы первичной (прямой) номинации, которые ведут к изменению сигнификативного компонента лексического значения, а также механизмы вторичной номинации, основанные на понятии семантической транспозиции, связанной с изменением семантической структуры слова [5].

В рамках **первичной (прямой) номинации** было выделено уточнение сигнификативного значения слова посредством дополнительной лексической единицы или лексических единиц, формирующих комплексный номинатив: *убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью; murder committed in excess of the requirements of justifiable defence or in excess of the measures needed for the detention of a person who has committed a crime; homicide caused by actions which exceed the limits of necessary defence*.

В рамках **вторичной номинации** были выявлены следующие механизмы:

I. Семантическая транспозиция, включающая в себя

- метонимию, понимаемую как перенос значения с процесса на результат этого процесса: *террористический акт – act of terrorism; организация террористического сообщества и участие в нем – establishment of a terror community (a terror organisation) and participation in it; организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем – organisation of an illegal armed formation or participation in it*;

- расширение значения в языке-переводе: *уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика*

Вопросы номинации

страховых взносов от уплаты страховых взносов, переданное как evasion by a natural person of paying a tax and (or) a fee; убийство, совершенное в состоянии аффекта, переведенное как murder committed in a state of temporary insanity;

- аналогию с лексическими единицами, заложенными в уголовных кодексах Великобритании, США, Монголии, которые переносятся при переводе наименований преступлений: преступление «развратные действия» в русском языке в переводе УК РФ на английский язык представлены как depraved actions, в то время как в УК Великобритании использована лексическая единица indecent obscenity, которая встречается и в переводе юридических документов на английский язык. Еще один пример аналогии срабатывает при рассмотрении перевода на английский лексической единицы «побои». В английском языке есть типовое выражение assault and battery для номинации избиения. В этом выражении наблюдается так называемая семантическая тавтология, то есть повтор идеи синонимичными номинативными единицами. Довольно часто именно этот вариант появляется в переводах текстов юридической тематики, хотя официальный перевод УК РФ дает один вариант: battery.

II. Семантико-синтаксическая транспозиция, включающая в себя

- спецификацию за счет введения фраз, уточняющих объем семантически главенствующего существительного: *угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава; hijacking of an aircraft, a sea-going ship, or a railway train.*

- конверсию, которая затрагивает все лексические единицы со значением события, действия или вида деятельности, которые в английском языке подлежат выражению посредством именных групп с герундием в их составе.

Структурные особенности анализируемых языков оказывают значимое влияние на те средства, которые выражают необходимость, а также

предопределяют высокую частотность актуализации определенных средств и низкую частотность других средств в каждом конкретном языке. Для определения частотности номинативных средств с семантикой преступления в каждом из языков необходимо провести дополнительное исследование, в котором можно посмотреть на преломление средств выражения единиц исследуемой лексико-семантической группы в текстах, имеющих профессиональную ориентацию на деятельность сотрудника ОВД. В этом мы видим перспективы своего исследования.

Литература

1. Вяземская, А.А. Дефиниции и терминология, используемые для описания преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / А.А. Вяземская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2015. – № 2. – С. 100–106.

2. Хижняк, С.П. Межкультурная профессиональная коммуникация юристов: теоретические основы. Сер. Творческое наследие учёных СГЮА: монография. – Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2014. – 244 с.

3. Высоцкая, Т.Н. Роль когнитивно-онимасиологического метода в изучении терминов / Т.Н. Высоцкая. – <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/1074/%D0%92%D1%8B%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%BA%D0%B0%D1%8F-4.pdf?sequence=1> (дата обращения 05.01.2018).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2018) – http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения 05.01.2018).

5. Шалифова, О.Н. Семантическая транспозиция как способ образования лексических значений / О.Н. Шалифова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – Самара, Самарский центр РАН, 2011. – Т. 13, № 2 (4). – С. 994.

Шашкова Валентина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова (Орел), valentina.shash@mail.ru

Поступила в редакцию 20 января 2018 г.

ON THE MEANS AND MECHANISMS OF LEXICAL NOMINATION IN THE LEXICAL-SEMANTIC GROUP “CRIME” (BASED ON RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

V.N. Shashkova, valentina.shash@mail.ru

Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

The article addresses the issue of nominative units forming lexical-semantic group “Crime” in Russian and English. The names of crimes are analyzed from the standpoint of nominative means and mechanisms of nomination employed. It is established that complex nomination of crimes is typical of statutory documents such as the Criminal Code. The structural scheme represented in terms of metalinguistic notation as (Adj +) N + (pr +) (Adj) + N is elicited as the basic and the most frequent one for the Russian nominative units. A more frequent model in the English language is N + pr + N which can and is often extended, typically, by non-finite forms of the verb. Specification of the significative meaning by adding a lexical item to a nominative unit, metonymy, analogy, extension of meaning, narrowing of meaning and conversion are among the nomination mechanisms which have been inferred from the analysis of the lexical items.

Keywords: nomination, nominative units, lexical-semantic group, onomasiological approach, complex lexical nominative unit, nomination mechanisms, transposition of meaning.

References

1. Vyazemskaya A.A. *Definitсии i terminologiya, ispol'zuyemye dlya opisaniya prestuplenii s nezakonnym oborotom narkoticheskikh sredstv i psykhotropnykh veschestv* [Definitions and Terminology Used for Describing Crimes Dealing with Illegal Trafficking of nNarcotic Drugs and Psychotropic Substances]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St.-Petersburg University. Law], 2015, no. 2, pp. 100–106.
2. Khizhnyak S.P. *Mezhkul'turnaya professionalnaya kommunikatsiya juristov: teoreticheskiye osnovy. Seriya "Tvorcheskoye naslediyе uchyonnykh"* [Intercultural Professional Communication of Lawyers: Theoretical Foundations. Series “Creative Heritage of Scientists”]. Saratov, Saratov State Law Academy, 2014, 244 p.
3. Vysotskaya T.N. *Rol' kognitivno-onomasiologicheskogo metoda v izuchenii terminov* [The role of cognitive-onomasiological method in studying terms]. URL: <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/1074/%D0%92%D1%8B%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%BA%D0%B0%D1%8F-4.pdf?sequence=1> (reference date: 05.01.2018).
4. *Ugolovnyy kodeks Rossijskoj Federatsii ot 13.06.1996 N 63-F3 (red. ot 29.12.2017) (s ismeneniyami i dopolneniyami, vstupivshimi v silu s 09.01.2018)* [The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 N 63-F3 (ed. of 29.12.2017) (with modifications and additions enforced since 09.01.2018)]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (reference date: 05.01.2018).
5. Shalifova O.N. *Semanticheskaya transpozitsiya kak sposob obrazovaniya leksicheskikh znachenij* [Semantic transposition as a means of forming lexical meanings]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk*. [News of Samara scientific center of the Russian Academy of Sciences.] Samara, Samara center of RAS, 2011, v. 13, no. 2 (4). p. 994.

Valentina N. Shashkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Assistant Professor, Department of Foreign and Russian Languages, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov (Orel), valentina.shash@mail.ru

Received 20 January 2018

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Шашкова, В.Н. К вопросу о средствах и механизмах номинации лексических единиц в рамках лексико-семантической группы «Преступления» (на материале русского и английского языков) / В.Н. Шашкова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 33–37. DOI: 10.14529/ling180106

FOR CITATION

Shashkova V.N. On the Means and Mechanisms of Lexical Nomination in the Lexical-Semantic Group “Crime” (Based on Russian and English Languages). *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2018, vol. 15, no. 1, pp. 33–37. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling180106